

Досижу уж три-то года!
И – подамся в монастырь.
Лучше пить святую воду,
Чем задиристый чифирь.

Богомол живёт не хуже
Коммерсанта-торгаша.
Затянув ремень потуже,
Чтоб не выпала душа,

Где – канаву покопаю,
Где-то гряды прополю,
Там – метлою помахая,
Тут дровишек поколю...

Нешто тяпкой да лопатой
Не зароблю на еду?
Пусть – с рассвета до заката...
Но ведь легче, чем в аду!

Я в аду червонец жизни,
То есть, чуть не десять лет
Жрал и пил – в ущерб Отчизне,
Как тот трутень-дармоед.

Дом, конечно, не построю...
Попрошусь уж в монастырь...
...Лучше – чёрный хлеб с водою,
Воля-волюшка с бедою,
Чем весёлый конвоир!

ЧИСТИЛИЩЕ

Мы с тобой – горемычный народ!
Далеко нам до волюшки-дали.
Помогайте тому, кто дойдет,
Но дойдет первозданным едва ли...

Полбеды, если молод, здоров –
Основное в тюрьме превосходство.
Плюс на воле – родители, кров
И морально – не знаешь сиротства.

Ну, а если кругом – никого?
Ни родных, ни гроша за душою?
И вся жизнь между тех берегов,
Где в ничто превратилось большое...

Одинок среди тысяч людей,
Как челнок среди скал-великанов,
А на тропах свирепых идей –
Сотни тысяч силков и капканов...

И работы по силам – увы...
В биографии – скопище пятен...
И в камнях летящей молвы –
Оскорбленье, изгнание, проклятье...

И не знаешь, в которой весне
Ты найдешь – и приют, и участие.
И в каком светлоом окне
Поджидает возможное счастье...

Эти мысли, как нервный клубок,
Эти руки – не руки, а крюки –
Нарежимленной сути итог,
Результат долгосрочной разлуки.

За окном день и ночь моросит,
И не греет сырая одежда.
Жизнь по горло в болоте стоит
Под созвездием чистым – Надежда.

Этой карме ты – не прекословь.
Эта женщина прелесть–химера.
Да протянет мне руки Любовь!
Да поддержит величество Вера!

* * *

Ранним утром косячок певучий
Пролетел – и снова даль светла.
Лишь моя печаль ненастной тучей,
Словно в омут, в душу заплыла.

Кто же там идёт без опоздания,
Спелой гроздью обжигая рок?
Со зловещим смыслом увяданья
Осень речки переходит вброд.

Наклонилась к омуту рябина,
Вглядываясь в зеркало глубин...
Не любим я женщиной любимой,
Нелюбимой женщиной любим.

Не скупись, судьба, на долю счастья!
Без него не мил мне белый свет.
Мое счастье не в твоей ли власти?
Может, счастья в жизни вовсе нет?

Тот ли счастлив, кто шуршит деньгами?
Не приманишь гордое к рублям!
И, ковры пиная сапогами,
Я кричу высоким журавлям:

В добрый путь! Счастливых вам инерций.
Через степи, горы и моря!..
Никуда не улетит из сердца
Золотой журавлик сентября.

* * *

Темнота в глазницах окон.
Тишина.
Туман с реки.
Лишь попавший в сетку окунь,
Передёрнул поплавки.

Только конь, почуяв осень,
Звякнул бубном и заржал.
Да рябина на погосте
Одинокий свет зажгла.

Мост, упавший на колени,
По-верблюжьему горбат.
Убежать бы из деревни!
Чем тут хвастать? Не Арбат...

О! В капусте стонут жабы...
О! Шуршит в соломе мышь...
Убежал бы! У-бе-жал бы!
От себя не убежишь.

Млечный путь звезду уронит –
Вздрагну!
Сникну.
Затужу...
И, оставшись на перроне,
Вслед тебе из-под ладони
Я сквозь слёзы погляжу.

Никогда к потерям не привыкну:
Покидают белый свет друзья...
Вот опять предсмертно кто-то вскрикнул –
Нет, не я... не я ещё... не я...

Но и мой наступит високосень.
Колокольчик отзвенит в груди.
Ах, судьба! Хотя бы лет за восемь
Ты меня о том предупреди.

Чтобы мне не быть кому-то в тягость,
Уплыву за реку на простор,
Разломаю старую корягу,
Разведу под звёздами костер.

Впеленаюсь в дикие туманы,
И навзрыд заплачу у огня.
Знаю я, что в мире, кроме мамы,
Никому нет дела до меня.

А любовь... Она уйдет к другому.
Разлетятся дети по стране.
И, быть может, только цвет черёмух
Просветлит им память обо мне.

Догорай до фильтра, сигарета!
Осушайся, кружка, в три глотка!..
Жизнь моя, как северное лето,
Как ответ кукушки, коротка.

ДОЧЬ ЛЕСНИКА

Заблудился... Песнь расслышав
Сквозь журчанье родника,
Как на зов, пошёл – и вышел
Я к заимке лесника.

Старика с литовкой звонкой
Ожидал я встретить, но!..
Молодая незнакомка
У стожа плела венки.

И, меня не замечая,
В тот венок мой взгляд вплела.
В алый пламень иван-чая
По-русалочьи вплыла.

Набрала малины горстку,
И, потрогав лучик дня,
Оглянулась на березку –
И увидела меня.

Как прозрачную юбочку,
Что лучом смахнуло в луг,
С неизменным «Ой!» девчонка
Уронила песню с губ.

Как косой, красой весенней
Резанула по глазам!
Растерялся я, осенний,
Словно эхо по лесам.

НА ТО И ЛЮДИ...

Я мысленно уже в селе.
Мечты томят, но не жестоко.
...Сову, сидящую в дупле,
Не спросит обо мне сорока.

Седая песня про погост
Не по-вороньи – по-павлиньи
У клавишей распушит хвост,
Словами пользуюсь простыми.

За поймой иволга всплакнёт,
Подвоет песне пёс на даче.
И я в начёсанный шевиот,
Как скупердяй, слезу припрячу.

Пусть грош цена моей слезе
И сам я полслезы не стою –
Уйду по чёрной полосе,
Просясь в деревне на постой.

Нет, никому не расскажу,
Где пропадал и чудом выжил,
И кем приравнен был к бомжу...
Но встал с колен и в люди вышел.

И люди поняли без слов,
Ибо на то они и люди:
Откуда я и кто таков,
И кем Иисус Христос мне будет,

Кем были те, кто спят в земле,
И та, как горький дым, седая...
...Я мысленно давно в селе!
И сам себя в нём поджидаю.